

На правах рукописи

УДК 82–34

Тулякова Наталья Александровна

ПОЭТИКА И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Специальность 5.9.2. Литературы народов мира

(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Санкт-Петербург

2024

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Жеребин Алексей Иосифович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории зарубежных литератур федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Алташина Вероника Дмитриевна

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет»

Цветков Юрий Леонидович

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Аверкина Светлана Николаевна

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Защита состоится 23 октября 2024 года в 16 часов 00 мин на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.21, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», по адресу: 199053, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 52, ауд. .

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена» по адресу: 199186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 5 и на сайте университета по адресу https://dissertation.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000001023_Disser.pdf

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Доктор филологических наук, доцент

Ядровская Елена Робертовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование, выполненное в русле жанрологии и исторической поэтики, посвящено жанру литературной легенды, появившемуся в западной и русской литературе в XIX в. Литературная легенда, использовавшая в качестве жанрового образца или источника сюжетов и образов легенду фольклорную или агиографическую, к концу XIX в. стала оформившимся литературным жанром, о чем свидетельствует традиция называния отдельных произведений и циклов легендами: многие выдающиеся мастера слова пробовали себя в этом жанре. Литературную легенду можно отнести к периферийным литературным жанрам, так как число легенд значительно уступает более востребованным романам, новеллам, повестям. В то же время появление литературной легенды, наравне с другими «псевдофольклорными» жанрами — преданием, сказанием, былью и т. д., — представляется характерным для литературного процесса явлением, нуждающимся во всестороннем изучении. Необходимо прояснить, как возник интерес к фольклорной и религиозной легенде, как они проникали в художественную литературу, как конструировалось и изменялось со временем понятие литературной легенды.

Степень научной разработанности проблемы. Жанры фольклорной и религиозной легенды были детально изучены, и интерес к ним не ослабевает (L. Degh, T. Tangherlini, В.М. Лурье, А.Д. Мороз, К.В. Чистов и др.). Но в отечественном и зарубежном литературоведении, при возросшем интересе к периферийным явлениям, в том числе жанровым, отсутствует систематическое и полноценное исследование жанра литературной легенды. В монографиях А.А. Горелова, И.А. Дергачева, M. Ziolkowsky поднимается вопрос об особенностях легенды и причинах интереса к ней в русской литературе. В работах С.Н. Ташлыкова, В.О. Пантина, Е.Е. Приказчиковой и др. исследуется специфика легенд в творчестве отдельных авторов — А.И. Куприна, Н.С. Лескова, Д.Н. Мамина-Сибиряка. Однако фундаментального труда по данному вопросу пока нет.

Актуальность исследования обусловлена вниманием к легенде как к культурному и дискурсивному феномену, а также неугасающим интересом к проблеме жанров, который проявляется в большом количестве проводимых по вопросам жанра научных конференций. Жанру посвящено одно из ведущих американских литературоведческих периодических

изданий – журнал *Genre*. Актуальность исследования определяется также потребностью в систематическом, методологически обоснованном изучении литературной легенды в системе малых прозаических жанров, которое позволит начать процесс гармонизации терминологии предметной области.

Объектом исследования является жанр прозаической литературной легенды XIX в., его поэтика и эволюция, а **предметом** исследования — конститутивные признаки литературной легенды и особенности их реализации.

В качестве **материала исследования** используются художественные прозаические тексты художественной литературы XIX в., обозначенные авторами как *легенды* в заголовочном комплексе. К анализу привлекаются произведения, написанные на русском (Н.А. Полевой, А.И. Герцен, Н.В. Кукольник, В.Ф. Одоевский, Н.С. Лесков, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.В. Амфитеатров), английском (В. Ирвинг, Н. Готорн, Дж. Липпард, Б. Гарт, М. Твен), французском (В. Гюго, Ш. де Костер, А. Франс), немецком (Г. Келлер), испанском (Г.А. Беккер) и шведском (А. Стриндберг, С. Лагерлёф) языках. К анализу не привлекались тексты без жанрового маркера *легенда*, так как на данном этапе необходимо было идентифицировать конститутивные черты жанра на основе авторской экспликации. Это позволит в дальнейшем отнести к литературной легенде произведения, не содержащие жанрового идентификатора, но соответствующие модели жанра. Стихотворные и драматические легенды не рассматривались, так как должны анализироваться иначе, но они принимались во внимание при анализе восприятия понятия легенды в различных лингвокультурах.

Гипотеза исследования состоит в том, что литературная легенда является самостоятельным жанром в литературе XIX в., имеющим устойчивый набор содержательных признаков и формальных черт.

Цель исследования — определить конститутивные дифференциальные признаки жанра прозаической литературной легенды на материале художественных текстов XIX в. и описать основные формы ее существования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

— определить конститутивные и вариативные признаки литературной легенды и описать модель жанра литературной легенды;

— установить признаки жанра, обладающие дифференциальной силой;

— охарактеризовать особенности бытования литературных легенд в XIX в. (как самостоятельного произведения, в составе разного рода циклов, как интекста, как крупного эпического произведения).

Исследование нацелено на получение новых для отечественной и зарубежной филологии результатов, а именно на более точное выявление дифференциальных признаков литературной легенды и ее сопоставление с другими жанрами малой прозы. **Научная новизна** работы состоит в том, что в ней впервые предпринимается попытка систематического исследования жанра литературной легенды с привлечением обширного материала в сопоставлении с другими прозаическими жанрами. В научный обиход вводятся произведения, не привлекавшие ранее внимания исследователей в аспекте жанра, в том числе не переведенные на русский язык и знакомые читателю только в оригинале.

Методология исследования. В диссертации жанр понимается, вслед за Б.В. Томашевским, как «генетически определяющее обособление литературных произведений, объединяемых некоторой общностью системы приемов с доминирующими объединяющими приемами-признаками»¹. Данное определение жанра, необходимое для адекватного описания формальных признаков жанра, корректируется положениями М.М. Бахтина о «тематическом завершении» как одной из главных функций жанра.

Работа выполнена в русле исторической поэтики, поскольку литературная легенда рассматривается как элемент системы литературных жанров, жанр, развивавшийся не в изоляции, а в тесной связи с другими жанрами.

В качестве основного метода исследования поэтики литературной легенды используется компаративный подход, уточненный теорией фамильного сходства Л. Витгенштейна. Сопоставление нескольких текстов, заведомо относимых к определенному жанру, позволит определить конститутивные признаки легенды. При построении модели жанра будет использован алгоритм, предложенный когнитивной теорией жанра, которая в последнее время применяется не только к речевым жанрам, но и к жанрам художественной литературы (A. Fowler, C. Newsom, M. Sinding, R. Williamson).

---

¹ Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 209–210.

Применительно к довольно большому объему текстов когнитивистика дает формализованное, четкое описание жанра, выделяя обязательные, необязательные и вариативные жанровые признаки, в то же время идентифицируя авторскую интенцию, свойственную данному жанру (тип миромоделирования). Компаративный подход, предполагающий сопоставление полученной модели с моделями других жанров, позволит выявить дифференциальные черты литературной легенды, а также более полно представить развитие системы малых жанров в литературе XIX в.

Теоретическая значимость исследования обусловлена прежде всего разработкой индуктивного подхода к анализу жанра. В диссертации продемонстрирован алгоритм последовательного компаративного анализа, который позволяет идентифицировать черты жанра без опоры на первоначальное представление о жанре. Кроме того, диссертация адаптирует когнитивный метод жанровых исследований, используемый в основном для работы с каноническими жанрами, к жанру Нового времени. Наконец, в диссертации уточняются представления о системе прозаических жанров XIX в.: показана роль одного из периферийных, «маргинальных» жанров.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при чтении университетских лекционных курсов по теории жанра, по истории мировой литературы XIX в., по компаративистике, жанрологии, в спецкурсах по проблемам атрибуции текстов и методах исследования художественных текстов. Полученные данные могут учитываться при составлении литературоведческих словарей и энциклопедий. Кроме того, алгоритм работы, предложенный в исследовании, может применяться для дальнейшего изучения системы жанров малой прозы, в частности таких жанров, как предание и сказание, а также стихотворной и драматической легенды.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Литературная легенда является самостоятельным жанром литературы XIX в., наследующим традициям агиографической и фольклорной легенды, но интерпретирующим их конститутивные признаки особым образом.

2. Понятие легенды в англоязычной, французской, немецкой и русской лингвокультурах XIX в. развивается в едином ключе, но характеризуется национальным своеобразием.

3. Литературная легенда характеризуется устойчивой композицией и особым типом конфликта — противостоянием человека и мироустройства, явленного обычно в виде закона, морали, этической нормы, религиозного принципа, суеверия и т. д. Завязкой в легенде является нарушение запрета (целенаправленное, в силу заблуждения или ошибки), кульминацией — его драматические или трагические последствия для человека, развязкой — смирение.

4. К конститутивным чертам литературной легенды относится тип хронотопа, в котором подчеркнутое внимание уделяется месту действия, обладающему способностью концентрировать в себе несколько временных пластов.

5. Одной из центральных категорий легенды является чудо, которое представлено как материальное проявление присутствия высшего миропорядка в жизни человека.

6. Для литературной легенды характерно повышенное внимание к категории достоверности, достигаемое различными нарративными техниками. При этом легенда представляет собой повествование, правдивость которого нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

7. Литературная легенда отличается от смежных жанров (немецкоязычной *Novelle*, англоязычного *short story*, русскоязычного *святочного рассказа*) рядом признаков, прежде всего типом конфликта, соотношением старого и нового знания, степенью типизации персонажей, характером категории правдоподобия.

8. В XIX в. литературная легенда довольно редко появляется как самостоятельное произведение: не включенные в сборники легенды принадлежат преимущественно авторам, публиковавшимся только в периодических изданиях, или представляют собой крупные эпические формы (Костер, Стриндберг). Напротив, легенда тяготеет к включенности в циклическое образование (сборник или цикл легенд или разножанровых произведений) или травелог, где она позиционируется как обработанный этнографический материал.

Достоверность результатов обеспечена выбором материала и методов анализа. К анализу привлекался обширный корпус текстов из литературы России, США и стран Европы. Анализ текстов, выполненный в рамках исторической поэтики, формальной

школы и когнитивного подхода, дополнялся компаративным анализом. Сопоставление проводилось как в рамках творчества одного автора, так и между различными авторскими системами. Таким образом, предварительные результаты верифицировались сравнительным анализом.

Апробация результатов. Основные положения диссертации были представлены в докладах:

1. на зарубежных международных научных конференциях: Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики (Минск, 2010); Mythcon 43 Across the Continents: Myths and Legends from Europe and Asia Meet and Mingle (Беркли, 2012); Conference of the Scandinavian Association for Language and Cognition (Йоэнсуу, 2013; Лунд, 2017); Annual Conference of the Austrian Studies Association (Остин, 2014); Conference of the Estonian Association of Comparative Literature (Тарту, 2015, 2017, 2019, 2021); International Comparative Literature Association Congress (Вена, 2016); British Comparative Literature Association International Conference (Вулверхэмптон, 2016); European Network for Comparative Literary Studies Biennial Congress (Дублин, 2015; Хельсинки, 2017);

2. на международных научных и научно-практических конференциях в России: Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 2012, 2013, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2022, 2023); Международная конференция по когнитивной науке (Калининград, 2014); Феномен заглавия (Москва, 2017, 2019, 2021); Поэтика и прагматика малых жанров в европейской литературе (Москва, 2019); Русский логос-2: Модерн — границы контроля (Санкт-Петербург, 2019); Маргиналии-2019: Границы культуры и текста (Осташков, 2019); Литература и философия: от романтизма к XX веку (Москва, 2019);

3. на всероссийских научных и научно-практических конференциях: Англистика XXI века (Санкт-Петербург, 2010, 2012, 2014); Герценовские чтения. Иностранные языки (Санкт-Петербург, 2010, 2012); Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе (Санкт-Петербург, 2005, 2006, 2007, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2017, 2019); Педагогический дискурс в литературе и искусстве (Санкт-Петербург, 2014, 2015, 2016, 2017); Литература и искусство в фокусе гуманитарных наук (Санкт-Петербург, 2018, 2021); Дергачевские чтения (Екатеринбург, 2021).

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Ее положения нашли отражения в 68 опубликованных работах, в том числе в 16 статьях из списка журналов, рекомендованного ВАК РФ, из которых 9 являются индексируемыми в международных реферативных базах данных Scopus и/или Web of Science, а также в 5 статьях в зарубежных журналах, включенных в реферативные базы Scopus и Web of Science.

Объем и структура работы. Объем диссертации составляет 466 страниц текста. Исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка литературы, содержащего 651 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяется степень научной разработанности проблемы, формулируются объект и предмет, гипотеза, цель и задачи исследования, характеризуются его методологические основания, раскрывается научная новизна работы, устанавливаются теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются выносимые на защиту положения.

Первая глава **«Признаковое поле литературной легенды и модель жанра»** посвящена выбору алгоритма анализа жанра Нового времени и определению конститутивных признаков жанра.

Раздел 1.1. **«Жанровое обозначение легенда в синхронии и диахронии»** рассматривает жанровое обозначение *легенда* для уточнения семантики слова, объема и изменений его значения в XIX в., необходимого для адекватного анализа произведений и для грамотного употребления термина. Данные, полученные при анализе словарей, сопоставляются с реальным употреблением термина в исследовательской литературе. Прослеживается эволюция восприятия понятия легенды в европейских национальных литературах.

Параграф 1.1.2. «**Легенда как термин**» определяет особенности статуса термина *легенда* в современном зарубежном и отечественном литературоведении, его место в терминосистеме литературоведения.

Параграф 1.1.3. «**Понятие *legend* в лингвокультуре Великобритании и США**» рассматривает, как термин *legend* отражен в англоязычных лексикографических изданиях общего и специального характера, и описывает эволюцию легенды в культуре Великобритании и США. Показано, что в англоязычной лексикографии термин в применении к литературным произведениям практически не фиксируется, и продемонстрировано, что английская легенда XIX в. позиционируется как развлекательное, часто комическое, но достойное прочтения произведение. Авторы США находят собственный предмет легенды — фольклор североамериканских индейцев, который они в связи с трудностью записи и с его экзотическим характером в основном обрабатывают в стихотворной форме.

В параграфе 1.1.4. «**Понятие *légende* во французской лингвокультуре**» анализируется место слова *légende* во франкоязычных толковых и литературоведческих словарях и прослеживается развитие понятия легенды во французской культуре XIX в. Демонстрируются противоречия в трактовке термина и недостаточная разработанность словарных статей. Рецепция слова в XIX в., тем не менее, свидетельствует о том, что легенда воспринималась как антоним к рассудочной правде, как воплощение поэтического воображения.

Параграф 1.1.5. «**Понятие *Legende* в немецкой лингвокультуре**» посвящен особенностям бытования слова *Legende* в немецкоязычной специальной литературе и эволюции немецкой легенды. Доказывается, что, несмотря на общее представление о легенде как о жанре религиозного характера, термин может употребляться наравне с *Sage* и обозначать фольклорные тексты. По отношению к литературным текстам термин употребляется несистематично. В плане эволюции немецкая легенда XIX в. отличается консервативностью и часто использует в разной степени обработанный религиозный материал.

В параграфе 1.1.6. «**Понятие легенда в русской лингвокультуре**» уточняется объем значения рассматриваемого термина в русском языке и культуре. Делается вывод о более

полном по сравнению с европейской традицией лексикографическом отражении слова, сопровождаемом, однако, отсутствием системного похода к термину и расхождениями между словарным представлением термина и его реальным употреблением. Эволюция русской легенды характеризуется движением в сторону исторической прозы.

Параграф 1.1.7. «**Эволюция литературной легенды в европейской литературе XIX в.**» отмечает основные вехи в развитии жанра литературной легенды в XIX в. В первой половине века романтики обращаются к фольклорной и религиозной легенде как к жанру, позволяющему черпать вдохновение в давно ушедших эпохах. Примерно со второй трети XIX в. начинается формирование нового жанра и затем, во второй половине века, его кристаллизация. Несмотря на национальные особенности формирования жанра, продиктованные историческим, культурным, религиозным контекстом, легенда как жанр светской литературы развивается в едином направлении.

Раздел 1.2. «**Атрибуция жанра**» посвящен теоретическим проблемам жанровой атрибуции и выбору способа, подходящего для жанра Нового времени.

Параграф 1.2.1. «**Способы жанровой атрибуции**» систематизирует данные о применяемых в филологии способах жанровой атрибуции. Показывается, что современные исследования жанров производятся преимущественно дедуктивным путем, который дает неverified результаты, так как исследователи отбирают тексты, соответствующие их жанровым ожиданиям. Обосновывается необходимость применения индуктивного подхода, при котором черты жанра определяются исходя из анализа конкретного материала. В связи с отсутствием четких методов анализа жанра в литературоведении оценивается возможность использовать методы жанровой атрибуции из смежных дисциплин. Делается вывод о неприменимости их к художественным текстам.

Параграф 1.2.2. «**Модель жанра как теоретическая проблема**» описывает существующие подходы к модели жанра. Автор соглашается с положением формальной школы о том, что единого набора признаков для всех жанров не существует; для каждого жанра характерно выдвижение индивидуального набора признаков.

Параграф 1.2.3. «**Жанр и заглавие**» освещает вопрос о реализации авторской жанровой интенции в названии литературного произведения. Обосновывается выбор жанровой экспликации в заголовочном комплексе в качестве исходного пункта для анализа

литературных легенд. Несмотря на то, что жанровое обозначение может носить стихийный характер или быть данью моде, для жанров Нового времени это единственный исходный пункт при отборе текстов для определения жанровой модели².

Раздел 1.3. «**Жанровая модель литературной легенды**» описывает конститутивные (ядерные) и вариативные признаки литературной легенды и типичное для нее мироотношение. Доказывается, что набор признаков, относящихся к форме, соответствует определенному посылу, разделяемому писателями вне зависимости от их национальной принадлежности и эпохи создания текста.

В параграфе 1.3.1. «**Когнитивная модель жанра: теоретические аспекты**» обозначена теоретическая основа когнитивной модели жанра, разрабатываемой зарубежными когнитивистами на базе учений М.М. Бахтина и Л. Витгенштейна, а также приводится алгоритм жанрового анализа. Данный анализ предполагает выделение обязательных, стандартных и вариативных признаков жанра на основе сопоставления бесспорных образцов. Для отнесения произведения к жанру не обязательно наличие всех ядерных признаков, но их комбинация должна делать текст узнаваемым представителем жанра. Кроме того, формальным признакам соответствует «идеальная когнитивная модель действительности», иными словами, тип миромоделирования.

Параграф 1.3.2. «**Литературная легенда: конститутивные признаки**» предлагает модель жанра, полученную на основе анализа текстов с тавтологическим жанровым обозначением (в заглавии текста и в названии цикла), чтобы исключить фактор случайности в озаглавливании произведения. Были выбраны следующие тексты: «Легенда о Доне Родриго» (*The Legend of Don Roderick*) из «Легенд завоевания Испании» (*Legends of the Conquest of Spain*) В. Ирвинга (1829), «Братство Толстой Морды. Бранбургская легенда» (*Les Frères de la Bonne Trogne. Légende brabançonne*) из «Фламандских легенд» (*Légendes flamandes*) Ш. де Костера (1858), «Маленькая легенда о танцах» (*Tanzlegendchen*) из цикла «Семь легенд» (*Sieben Legenden*) Г. Келлера (1872), «Мертвые боги. Тосканская легенда» из книги «Грезы и тени. Книга легенд» А.В. Амфитеатрова (1896).

---

² Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 414.

Были выделены общие для всех текстов признаки, обозначенные как конститутивные. К ним относятся тип конфликта, композиция сюжета, топика, хронотоп, установка на достоверность, тип рассказчика, опора на претекст, чудо в качестве одной из центральных категорий, характер главного героя. Легенда позиционирует себя как передачу известного, а не нового знания, декларирует свою укорененность в традиции. Для нее характерно указание на источник текста или знаний о произошедшем.

Сюжет легенды основан на коллизии личного, индивидуального интереса и установленной системы ценностей, миропорядка. Главный герой, обладающий неким избыточным качеством, вступает в конфликт с системой, который понимается как губительный для него. Композиция легенды совпадает с диспозицией, что позволяет сосредоточиться на действии, представленном набором типичных мотивов. Так, в экспозиции обычно возникает или подразумевается некий запрет, обусловленный системой ценностей или традицией; в завязке герой нарушает его; кульминация изображает грозящую ему вследствие этого опасность, а развязка использует мотивы наказания, возмездия или же чудесного спасения путем возвращения к традиции.

Одной из главных категорий легенды является чудо, представленное как вторжение потустороннего в реальную, зачастую историческую действительность. При этом повествователь изображает чудесное как достоверное, в отличие от сказки. В то же время повествовательная техника не позволяет читателю с уверенностью судить об отношении автора к описанным событиям, так как легенда оставляет место для материалистической трактовки произошедшего.

Хронотоп легенды актуализирует типичные для агиографической и фольклорной легенды признаки. Художественное пространство служит не только местом действия, но и материальным знаком воплощения традиции, а также концентрирует в себе память поколений. Это позволяет легенде ввести библейские категории и соотнести земную историю с историей сакральной. Таким образом, легенда устанавливает торжество родового над индивидуальным на разных уровнях. При этом мировоззрение авторов, их индивидуальная поэтика могут значительно отличаться, в связи с чем родовое начало принимает различные формы.

Во второй главе «**Легенда в системе малых жанров второй половины XIX в.**» конститутивные признаки, выделенные в первой главе, анализируются более подробно на конкретном материале текстов разнонациональных литератур и сопоставляются с признаками других жанров. Это позволяет определить, какие из признаков являются дифференциальными, типичными именно для легенды.

Для исключения влияния стилевых составляющих исследование проводится на материале разножанровых текстов одних и тех же авторов. Это позволяет определить место легенды среди жанров малой прозы той или иной авторской жанровой системы, а в перспективе — в рамках национальной литературы. Жанр легенды в этой главе сравнивается с другими малыми жанрами в творчестве трех писателей — Г. Келлера, Ф. Брет Гарта и Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Раздел 2.1. «**Легенды и новеллы Келлера**» посвящен сопоставлению жанров *Novelle* и *Legende* в творчестве Готфрида Келлера, выявляет их общие черты и различия.

Параграф 2.1.1. «**Новеллистика Келлера**» обращается к циклам «Люди из Зельдвилы» и «Цюрихские новеллы» Келлера. Новеллы Келлера повествуют о нечаянном исключении личности из общества и возвращении в него благодаря помощи извне или трагических последствиях отпадения. Каждая история подается как новая и реально произошедшая благодаря тому, что повествователь использует совмещенную точку зрения, то отдаляясь от своих персонажей, то приближаясь к ним. Вопрос о правдоподобии описанных событий не ставится, так как повествовательная техника призвана как можно реалистичнее передать изображаемое.

Параграф 2.1.2. «**“Семь легенд” Келлера**» рассматривает особенности реализации жанровой модели легенды в ее швейцарском варианте. Легенды Келлера, претекстом которых является сборник «Легенды» Л. Козегартена, представляют собой тип повествования с устойчивым набором мотивов, связанных с определенными персонажами и реализующихся через передвижение в пространстве. Герой, принимающий несвойственные ему ценности, перемещается из родного ему пространства в пространство монастыря и возвращается благодаря сакральному помощнику или разочаровывается в новой, умоглядной системе ценностей. Рассказчик подчеркивает заимствованный характер своих сюжетов и изменения, вносимые им в интерпретацию известных сюжетов.

Декларируемая Келлером в предисловии задача — восстановить следы более ранней культуры или следы влияния беллетристики на христианские легенды — свидетельствует не о критике Келлером христианства в духе Фейербаха, а об общей для XIX в. концепции легенды как повествования, восстанавливающего забытую, утраченную истину, не включенную в официальные источники и часто противоречащую им. Легенды и новеллы Келлера посвящены одной теме — взаимоотношениям человека и общества, но по-разному раскрывают ее.

Раздел 2.2. «Легенды и новеллы Брет Гарта» устанавливает соотношение новелл и легенд в американской литературе на примере прозы Гарта. При выборе одной темы — жизнь обитателей фронта — поэтика двух жанров представляется различной.

Параграф 2.2.1. «Новеллистика Брет Гарта» обращается к излюбленному жанру Гарта — новелле (*short story* в англоязычной традиции). Анализ показывает, что новелла, построенная на недоговоренностях и сокрытии информации, призвана удивить читателя, раскрыв ему истинный характер главного персонажа или персонажей. Рассказчик занимает активную позицию и при помощи природных образов, воплощающих высшую объективность и справедливость, демонстрирует свое отношение к персонажам и событиям и одновременно достигает эффекта правдоподобия.

Параграф 2.2.2. ««Испанские и американские легенды» Брет Гарта» посвящен несобранному циклу легенд Гарта, якобы основанных на калифорнийском фольклоре. Представляется, что небольшой корпус легенд о Западе был не более чем попыткой Гарта освоить новый жанр. При этом Гарт по преимуществу пользовался структурной схемой новеллы, модифицировав конфликт и переосмыслив мотив тайны, что повлекло за собой изменения в образах центральных персонажей. Тайна персонажа уступила место неопределенности в плане трактовки событий, в связи с чем персонаж превратился в тип, а столкновение правды и видимости сменилось коллизией точек зрения. Повествование сосредоточено на одноплановом персонаже, который сталкивается с потусторонними силами, проникнув в чужое пространство. Его необычная реакция избавляет его от опасности. Рассказчик разными способами подчеркивает неправдоподобие легенды, но оставляет возможность для двойной интерпретации событий.

Раздел 2.3. «**Легенды и святочные рассказы Мамина-Сибиряка**» рассматривает типичные для русской литературы рубежа веков жанры, которые имеют фольклорно-религиозную природу.

Параграф 2.3.1. «**Святочная проза Мамина-Сибиряка**» анализирует цикл «Святочные рассказы». Морфология сюжета святочного рассказа Мамина-Сибиряка реализует мотивы ожидания важного события и его свершения. Эта схема, типичная для традиционной рождественской прозы, приобретает в цикле «Святочные рассказы» иное наполнение. Святочный рассказ Мамина-Сибиряка представляет собой повествование о реализованной в праздничном хронотопе возможности общения и обмена истинами, в результате которой герои преодолевают свою физическую и душевную изолированность. Рассказчик, чья позиция не совпадает с позицией ни одного персонажа, изображает события святочного рассказа как непосредственно наблюдаемые и, соответственно, имевшие место в действительности.

Параграф 2.3.2. «**“Легенды” Мамина-Сибиряка**» рассматривает связанный цикл «Легенды» (1898). В легендах используется нарочито экзотический хронотоп: Мамин-Сибиряк выбирает религию и культуру, чуждые основной массе его читателей, и подчеркивает их непривычные черты: многоженство, неравные в возрастном отношении браки, жестокость по отношению к врагу, мощное родовое начало. Все легенды охватывают значительные временные и пространственные отрезки, что усиливает эпичность повествования. Даже в случае исторической первоосновы повествователь пользуется природным, а не календарным временем и стремится перенести повествование в вечность.

Герои оказываются в исключительной ситуации и вынуждены делать выбор или принимать решение. Совершая ошибки, они проходят путь к искуплению через страдание и на своем опыте осознают общечеловеческие истины. Объективированная повествовательная позиция позволяет представить эту историю как общезначимую. Легенды Мамина-Сибиряка прослеживают оппозицию добра и зла в душе человека, причем первое отражает родовое начало, а второе — индивидуальные устремления. Интересы рода воплощаются в семейных ценностях, в нравственных законах, в доминировании общинного интереса над личным.

Таким образом, у трех писателей литературная легенда изображает иной способ миромоделирования, нежели в других малых прозаических жанрах. Дифференциальными признаками литературной легенды можно считать конфликт, композицию сюжета, хронотоп и «зыбкую» установку на достоверность. Общая для литературных легенд модель может быть реализована по-разному у разных писателей в плане конфликта, сюжета и системы персонажей, что вызвано различиями в установках писателей и разными целями их обращения к жанру литературной легенды.

Третья глава **«Жанровые формы литературной легенды в XIX в.»** рассматривает разнообразие форм бытования литературной легенды в XIX в., возможное благодаря молодости жанра. Внимание сосредоточено на конститутивных признаках жанра и особенностях их реализации в вариантах легенды. Обозначены шесть основных форм: легенда как индивидуальное произведение, легенда в составе связанного цикла, легенда в составе несобранного цикла, легенда в составе разножанрового цикла, легенда как интекст, легенда как крупное прозаическое произведение. В каждом из разделов анализируются несколько произведений из русскоязычной, немецкоязычной, англоязычной, франкоязычной, испаноязычной, шведскоязычной литературы, характеризуются особенности каждой из форм легенд. Поскольку в диссертации не ставилась задача предложить исчерпывающий анализ всего «легендарного» материала, выбор текстов был продиктован практическими соображениями: языком оригинала, доступностью материала. Мы проанализировали лишь те аспекты поэтики легенд, которые наиболее значимы для той или иной формы, чтобы прояснить общее и различное в жанровых вариантах прозаической литературной легенды.

Раздел 3.1. **«Легенда как самостоятельное произведение»** обращается к довольно немногочисленным легендам, не вошедшим в сборники или циклы легенд. Очевидно, они воспринимались как единичные в творчестве писателя; в противных случаях они объединяются в несобранные циклы.

В параграфе 3.1.1. **«“Легенда” Герцена»** анализируется опубликованный в 1885 г. текст А.И. Герцена, основанный на житии святой Феодоры. «Легенда», используя традиционные для агиографической легенды образцы, включает инородные элементы новеллы, прежде всего через акцентировку мотива травестии. Мотив травестии в

«Легенде» представляет собой пример проникновения беллетристического элемента в фольклор и литературу. Кроме того, находящийся в тюрьме рассказчик, делая акцент на добровольном заключении Феодоры в монастыре, некоторым образом отождествляет себя с героиней и переживает ее путь.

Произведение подобного жанра в творчестве Герцена было скорее исключением; очевидно, легенда была экспериментом со старой формой, которая для автора стала способом обновить важную истину, вдохнуть в нее новую жизнь. Повествователь прямолинеен в выражении своей цели, заявляя о необходимости пересказа легенды, чтобы стать частью традиции.

Параграф 3.1.2. «**Легенды Кукольника**» рассматривает легенды «Аврора Галигаи. Тулузская легенда XIII столетия» и «Вольный гетман Пан Савва. Краснорусская легенда». Легенды Н.В. Кукольника имеют дело с готовым сюжетом и по-новому освещают его, претендуя на восстановление утраченной истины. Кукольник, в отличие от Герцена, не пользуется образцом агиографической легенды, но вводит религиозные мотивы и образы в историческое или фольклорное повествование.

Параграфы 3.1.3. «**“Легенда замка с привидением”**» и 3.1.4. «**“Легенда о любви” Кери**» анализируют легенды, опубликованные в периодике США и не вошедшие в сборники или циклы. Анонимная легенда и легенда Э. Кери обнаруживают сходную с русскими легендами раму, объясняющую происхождение легенды и цель ее рассказывания.

Легенда как единичный рассказ, вне цикла, обладает рядом особенностей. Прежде всего, это самодостаточное произведение, смысл которого должен быть понятен без учета соседних произведений. В связи с этим автор выбирает известный сюжет, легко опознаваемый читателем, или четко обозначает претекст. Это позволяет акцентировать вторичную природу легенды, определить ее как пересказ старого текста, направленный на восстановление истинного смысла легенды. Для «одиночных» легенд типично использование техники других жанров для восстановления этой истины, прежде всего новеллистической, позволяющей скрывать какую-то информацию от читателя. Несмотря на то, что хронотоп дистанцирует события от читателя, эта техника «обновляет» рассказ, заставляет читателя вновь заинтересоваться старым сюжетом.

В разделе 3.2 «**Легенда в составе связанного цикла**» рассматривается один из типов циклического образования с включением литературной легенды — авторский цикл легенд. Рассмотрены гомогенные авторские (связанные) циклы легенд, где жанровая принадлежность выражена в заглавии сборника, а входящие в цикл тексты характеризуются жанровой однородностью. Также анализируются пути поддержания связности цикла.

Параграф 3.2.1. «**“Легенды Губернаторского дома” Готорна**» обращается к рамочному циклу из четырех легенд, персонажи которого возрождают жанр легенды; многорамочная конструкция позволяет самому автору максимально отстраниться от описываемых событий. Тем не менее очевидно стремление рассказчиков убежать от современности в мир прошлого, населив этот мир легендами и преданиями.

Несмотря на смену рассказчиков, в цикле присутствует хронологическое единство, единство персонажей, ряд сквозных мотивов. Кроме того, на уровне всего цикла можно проследить развитие сюжета на более высоком уровне, чем сюжет отдельных произведений. В цикле сталкиваются по законам романтического повествования два типа действительности, и к концу сборника именно чужой мир становится для рассказчика все более реальным, что видно на всех уровнях текста.

Готорн создает особый тип литературной легенды, свойственный в большей степени американской, чем европейской традиции, — легенды, осмысляющей исторический материал в контексте библейских категорий. Литературная легенда объясняет историю, врывается в нее, обнаруживая связь преходящих исторических событий, мотивов, интересов с вечными законами бытия, которые при необходимости проявят себя, чаще всего в виде возмездия. Законы, нарушаемые историческими персонажами, — извечные, по мысли Готорна, этические законы, в соответствии с которыми и караются в его легендах два самых страшных греха — гордыня и предательство. Форма связанного цикла позволяет Готорну продемонстрировать, как рождается легенда и как она приобретает завершенность.

Параграф 3.2.2. «**“Легенды о Христе” Лагерлёф**» показывает, как обеспечивается связность в цикле легенд о жизни Христа. Источники, которые использовала Лагерлёф при написании легенд, глубоко укоренены в европейской культуре и претерпевали в ней многочисленные изменения, бытуя в самых разных сферах. Тем более очевидны

закономерности при выборе сюжетов и трансформации, вносимые автором. Узнаваемость сюжетов принципиальна для Лагерлёф, так как она прибегает к приему остранения, чтобы отобразить жизнь Христа глазами «неожиданных» свидетелей: чем дальше свидетель от официальных источников знания о Христе, тем правдивее звучит книга.

Связность цикла поддерживается образом Христа, чья жизнь представлена цепью последовательных эпизодов, а также выбранной повествовательной техникой. Как и в «Легендах Губернаторского дома», значимой является устная передача легенд, обработка которых не умаляет их правдивости, а повышает ее.

В связанных циклах легенд чрезвычайно важна последовательность расположения входящих в них произведений, так как она образует еще один сюжет. В отличие от полижанровых циклов, легенды не связываются по принципу параллелизма. Для них характерно наличие метаповествовательных элементов или приемов, направленных на осмысление жанровой природы элементов цикла.

Рассмотренные связанные циклы, настаивая на подлинности изображенных в них событий, представляют художественный вымысел как правду высшего порядка. Не повторяя канон религиозной легенды, данные циклы используют библейскую образность и топику, демонстрируя образцы жанра, подвергшиеся активной авторской рефлексии. Жанр легенды выбирается не случайно, и цикл представляет собой не процесс поиска, как это происходит в несобранных циклах, а его конечный результат.

Раздел 3.3. «**Несобранные циклы легенд**» исследует варианты вхождения легенды в несобранный цикл на примере творчества Н.А. Полевого, Г.А. Беккера и Н.С. Лескова. Легенды в этих циклах развивают определенную идею и моделируют определенное миропонимание, но не за счет последовательности текстов, а при помощи повторения или уточнения жанрового образца. При этом существует несколько механизмов, которые обеспечивают восприятие корпуса легенд как цикла. В первом случае легенды функционируют как эпизоды, потенциально образующие более крупное произведение и дополняющие друг друга. Во втором случае легенды выступают как равноценные тексты, каждый из которых изоморфен всему корпусу текстов.

В параграфе 3.3.1. «**Византийские легенды Полевого**» анализируются исторические легенды «Пир Святослава Игоревича», «Царьград и двор греческого

императора в X веке» и «Византийская легенда», которые Н.А. Полевой намеревался включить в роман «Синие и Зеленые». Объединение подобных легенд представляет собой повествование романного типа, что поддерживается теоретической установкой автора: в разных эпизодах истории видится воплощение высшего замысла, т. е. земные персонажи становятся проекцией библейских героев, а историей управляет борьба добра и зла. В историческое повествование добавляются вымышленные факты, такие, как исполнение песни о Вещем Олеге, которые акцентируют авторскую мысль.

Параграф 3.3.2. «**Легенды Беккера**» рассматривает цикл легенд испанского писателя-романтика Г.А. Беккера, которые он в течение нескольких лет публиковал в периодической печати. Не связанные ни персонажем, ни событием, легенды тем не менее ощущаются как единый дискурс. Единая концепция легенды в творчестве Беккера очевидна, что привело к традиции публиковать художественную прозу писателя именно с заглавием «Легенды» (*Leyendas*). Однородность легенд обеспечивается тем, что каждая представляет собой законченное произведение, повторяющее канон. Легенды Беккера, подобно фольклорным волшебным сказкам, складываются из нескольких мотивов, число которых весьма ограничено. Позиция рассказчика неизменна; он не претерпевает никаких изменений от легенды к легенде. Истина не постигается, как, например, в «Легендах Губернаторского дома», а задается изначально.

Параграф 3.3.3. «**Византийские легенды Лескова**» обращается к «обстановочным» легендам Н.С. Лескова, написанным по материалам древнерусского Пролога. Легенды Лескова более разнообразны по форме, чем легенды Полевого и Беккера, однако они воспринимаются как цикл благодаря единому жанру-претексту и принципам работы с ним. Легендой в прозе Лескова называется произведение об обретении истины, уже известное в мировой культуре и повторяемое автором на новый лад.

В отличие от легенд в составе связанного цикла, для рассмотренных легенд менее характерно использование персонифицированного рассказчика. Это может быть обусловлено тем, что несобранные циклы отличаются от связанных циклов легенд или других жанров тех же писателей большей степенью условности. С другой стороны, произведениям свойственна смысловая завершенность, самодостаточность, позволяющая понять каждый текст без обращения к другим произведениям.

В разделе 3.4. «**Легенда в составе полижанрового цикла**» рассматриваются циклы с гетерогенной жанровой природой, куда входят и легенды. Чаще всего легенды соседствуют с текстами очеркового характера, повествующими о современности. Благодаря контрасту с этим полудокументальным жанром поэтическая природа и устремленность в прошлое легенды становятся еще более очевидными. Однако возможно соседство и с фикциональными формами — с рассказом, с новеллой, с поэтическими фрагментами. В данном разделе анализируются два цикла, демонстрирующие эти тенденции.

В параграфе 3.4.1. «**“Перламутровый ларец” Франса**» показывается, что в цикле А. Франса, состоящем из легенд, новелл и рассказов, смена исторических эпох, изображенных в трех частях цикла, сопровождается сменой жанровой поэтики. При этом затрагиваемые темы остаются неизменными, меняется лишь способ их оформления. Соседство легенд с другими жанровыми формами позволяет рассмотреть похожие сюжеты с разных точек зрения, ввести полифонизм. Разножанровость становится носителем определенного содержания: постичь истину в рамках одного жанра невозможно, необходим их полилог.

Параграф 3.4.2. «**“Грезы и тени” Амфитеатрова**» посвящен «Книге легенд» А.В. Амфитеатрова, в которой обнаруживаются четыре группы текстов (наброски, сказки, легенды, фантастические рассказы). Их объединяют общие мотивы, образы, вопрос об их истинности, а жанровое разнообразие служит своего рода объяснением возникновения легенд. Общий подзаголовок цикла — «Книга легенд» — задает общий вектор прочтения, который позволяет найти и в легендах, и в сказках, и в «фантастических рассказах» легендарные сюжеты. Цикл воссоздает процесс художественного оформления легенды, представляя ее различные стадии: обычай, набросок, художественный перевод, сказка, фантастический рассказ.

Циклы с гетерогенной жанровой природой с включением легенд, очевидно, подчиняются тем же законам, что и другие гетерогенные циклы. В каждом случае вопрос о взаимодействии разных жанров решается индивидуально. Однако в рассмотренных циклах есть и общие черты. Очевидно, что для них типична вариация сюжета в разных жанрах, обработка сходных мотивов и образов разными способами. Авторы обнаруживают

легендарные сюжеты в исторических событиях, в этнографическом материале разных стран. Это подчеркивает повторяемость легенды, ее актуальность. Кроме того, в полижанровых циклах вопрос об истинности легенды по-новому рассматривается в связи со сменой точек зрения и рассказчиков. Если правдоподобие легенды ставится под сомнение в одном жанре, то этот сюжет может появиться в другом жанре, и тогда категоричность первой точки зрения нивелируется.

Раздел 3.5. «**Легенда как интекст**» иллюстрирует особенности поэтики легенд, являющихся текстами-в-тексте. Показательным представляется включение легенд в качестве интекста в книги путешествий и этнографические художественные книги. Исследователи отмечают, что при всем разнообразии путевых заметок объединяющей их чертой является способность синтезировать самые разные жанровые образования. Вставные тексты в тревелогогах занимают особое, зачастую ключевое место, организуя иногда всю ткань повествования.

Параграф 3.5.1. «**Легенда в составе эпического произведения**» сосредоточен на легендах, входящих в состав повестей и романов. В таком случае они могут быть рассказом персонажа, относящимся к какому-нибудь месту. Легенда в романе или повести — возможность ввести чужое слово, не обработанное повествователем. Кроме того, она принимает участие в сюжете, поэтому легенда занимает важное место в приключенческих романах как триггер для завязки. Во всех этих случаях легенда рассказывает о мистических событиях, влияющих на жизни людей; она предостерегает читателя или слушателя от совершения каких-либо поступков или подталкивает его к каким-либо действиям. Кроме того, легенда как интекст подобного рода содержит черты литературной легенды в концентрированном, утрированном виде.

Хотя «Финская легенда» В.Ф. Одоевского, включенная в повесть «Саламандра», демонстрирует те же нарративные черты, функция ее в повести отлична. В легенде финский старец рассказывает о событиях Северной войны как о мифических. «Финская легенда» — это персонифицированное повествование, в котором мифологизируются реальные исторические события и представлен альтернативный способ познания. Он принадлежит «иному» персонажу и выражен с помощью «чужого» слова, в противовес основному повествованию.

Во всех случаях легенда представлена как рассказ, который может быть как подлинным, так и совершенно недостоверным, и преподносится как конструирование истины, важной для понимания всего повествования.

Параграф 3.5.2. «**Легенда в “Альгамбре” Ирвинга**» сопоставляет легенды, рассказы и анекдоты в своеобразном травелоге американского писателя. Легенда является самым законченным в жанровом отношении типом интекста в «Альгамбре», которому автор отдает явное предпочтение. Большую роль в легенде играют интрига и фабула, текст имеет стройную композицию, используется набор повторяющихся мотивов и образов. Важное место принадлежит авторским комментариям, выдвигающим легенду в фокус авторского осмысления. Вторая часть книги почти полностью состоит из легенд, от которых автор отвлекается лишь ненадолго; легенда становится тем жанром, который для американского путешественника воплощает романтическое и сказочное начало. В «Альгамбре» легенды представляют подлинный фольклор, который способен передать дух места.

Параграф 3.5.3. «**Легенда в травелоге Гюго**» анализирует роль легенд и развитие отношения к ним в книге «Рейн». Легенды в травелоге играют роль фабульного повествования, иллюстрируют идеи рассказчика в поэтической форме, сообщают правду иного порядка, чем факты и документальные свидетельства. Они показывают, как история и сказка продолжают жить в повседневности, представленной текстами очеркового характера. Легенда привязана к определенному месту, которое хранит память нескольких поколений. Кроме того, легенды, услышанные рассказчиком, передаются его словами, словами поэта, и дополняются новыми смыслами. В «Рейне» легенды являются концентрацией поэзии, заключенной в пейзаже.

В параграфе 3.5.4. «**Легенда в травелоге Твена**» рассматривается пародийная версия книги путешествий «Пешком по Европе», насыщенной легендами. Травелог М. Твена подчеркивает основные особенности легенд, включенных в книги путешествий. Прежде всего, это локальная привязанность легенд, которые бытуют лишь в определенном контексте. Во-вторых, топика легенд Твена традиционна и включает мотивы запрета, его нарушения и наказания. В целом в «Пешком по Европе» при помощи легенд обнаруживается американский взгляд на Старый Свет.

Таким образом, легенда естественным образом вписывается в травелог. В рассмотренных книгах путешествий вставные легенды выполняют, казалось бы, разную роль. Тем не менее характер легенд и их роль в травелоге демонстрируют скорее общее, чем индивидуальное. Это происходит, во-первых, благодаря хронотопическим особенностям жанра. Как и в легенде, в травелоге место концентрирует в себе память поколений. Во-вторых, для легенды в составе травелога актуален вопрос о правдоподобию, так как для травелога важен баланс между правдоподобием документальной прозы и свободой беллетристики. Легенда противопоставлена факту и выражает мнение народа, обычно опозитизированное и представляющее свою, не менее ценную правду. Наконец, легенды, включенные в травелог, служат фикциональным вкраплением в очерково-документальное повествование и образуют в своей последовательности некий сюжет.

Раздел 3.6. «**Легенда как крупная прозаическая форма**» посвящен легендам, принимающим форму крупного эпического повествования. Подобное жанровое образование становится возможным только во второй половине XIX в., когда сложившийся канон легенды в малой прозе позволял писателям осознать ее философский потенциал и экспериментировать с формой. Легенда как крупная эпическая форма стала альтернативным способом осмысления истории, отличным от исторического романа и эпопеи.

В параграфе 3.6.1. «**Легенды Липпарда**» рассматриваются два произведения американского писателя Дж. Липпарда — «Легенды революции» и «Легенды Мексики». Формальная сторона произведений роднит их с романом в аспекте объема, но остальные элементы текста — повествовательная инстанция, хронотоп, особенности сюжета и образов героев — не позволяют говорить об их романной природе. История для Липпарда неотделима от легенды, под которой он понимает внеисторический смысл происходящих событий, поэтому в исторической прозе Липпард делает акцент на повторяемости и предопределенности исторических событий, связи между мировой и библейской историей. Легенда в представлении Липпарда родственна мифу, и весь текст его книг является своего рода обнажением «мифического компонента», типичного для американской исторической прозы. Очевидно, «Легенды» Липпарда отражают тенденцию американской ментальности XIX в. к «мифологизации» истории.

Параграф 3.6.2. «**“Легенда об Уленшпигеле” Костера**» обращается к центральному тексту бельгийской литературы XIX в. Герой книги Ш. де Костера ищет пути спасения Фландрии от испанского ига и находит их в амбивалентном единстве христианских грехов и добродетелей. Книга строится как постепенная смена жанровых поэтик, типичных для разных эпох. Хронотоп, образная система, сюжетное построение книги позволяют говорить о ее принадлежности к корпусу текстов, которые подпадают под жанровое определение *легенда*. Конфликт традиции и индивидуальности, поиск вечной истины как основа сюжета, совмещающий историю и вечность хронотоп — типичные черты легенды.

Параграф 3.6.3. «**“Легенды” Стриндберга**» рассматривает книгу шведского писателя с точки зрения жанра. «Легенды», как и книги Липпарда и Костера, демонстрируют преодоление романной формы, традиционно ассоциируемой с крупным повествовательным произведением. И на уровне сюжета, и в прямых авторских размышлениях А. Стриндберг подчеркивает, что жизнь человека повторяет общий, единый путь. Герой книги отказывается от активной роли, осознавая, что не может влиять на свою судьбу, делать выбор, двигаться вперед, а лишь является воплощением воли Творца. Подобным же образом повествователь организует повествование, нарочито лишая книгу сюжетно оформленного единства и заявляя в последней главе о своей неудаче при попытке сделать это. Так роман превращается в легенду: создание текста предстает как акт покаяния, а процесс его записи не зависит от воли автора.

Крупные прозаические легенды позволяют авторам рассуждать о природе легенды, о ее соотношении с другими формами познания действительности. В аспекте сюжета подобная форма позволяет проследить путь героя во временной перспективе, сосредоточившись на его внутреннем мире (Стриндберг), осознании предназначения (Костер), свершении религиозно-исторической миссии (Липпард). Подобная форма предполагает также преодоление инерции читательского восприятия, которое ожидает романной интриги. В связи с этим писатели прибегают к включению «готовых» жанровых форм, обрабатывают их, нарочито смешивают реалистическую манеру изображения и сверхъестественные образы.

Книги Липпарда, Костера, Стриндберга отличает эпизодичность построения, которая призвана показать значимость божественного промысла. За серией внешне не связанных

событий прочитывается сюжет высшего порядка, неоднократно реализованный в истории. Для всех крупных легенд, несмотря на разный выбор предмета изображения, характерно эксплицированное соотнесение событий с библейскими, обращение к христианским категориям, сопоставление персонажей с героями священной истории.

Разнообразие форм легенд в XIX в. отражает особенности переосмысления жанрового канона в эпоху индивидуального творчества. Формальный «костяк» легенды, инвариантная жанровая структура приобретает каждый раз иное наполнение, однако жанр не теряет своей узнаваемости. В то же время канон жанра в том виде, в каком мы говорим о каноне притчи или новеллы, не формируется: каноническая легенда воспринимается как стилизация и вытесняется в область массовой, детской литературы, этнографии.

В **Заключении** резюмируются выводы, подводятся итоги работы, намечаются перспективы исследования. В диссертации на обширном материале продемонстрировано, что литературная легенда является одним из самостоятельных жанров XIX в. с набором стабильных признаков и с собственной «идеологией». Понимание данного жанра позволяет уточнить картину системы жанров, особенно в эпоху, ассоциируемую с реалистическими тенденциями в литературе.

Литературные легенды существуют в творчестве известных писателей наряду с романами, новеллами и очерками, предлагая альтернативный способ миромоделирования. Разнообразие форм литературной легенды связано с особенностями формирования жанра, его возникновения и эволюции, которые были во многом стихийными. В то же время ассоциации с фольклорной и религиозной легендой, которые также активно публиковались и изучались в XIX в., диктовали вектор развития литературной легенды. В XIX в. легендой обычно называется произведение, сюжет которого реализует коллизию личностного и родового, где победу одерживает родовое. Сюжет составляют мотивы запрета, его нарушения и наказания / спасения. Хотя литературная легенда обязательно включает элементы чудесного, повествователь настаивает на достоверности рассказа, хотя в рамках текста ее нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Несмотря на набор устойчивых признаков, литературная легенда из-за особенностей формирования жанра демонстрирует большую степень вариативности в плане формы. Основной формой существования легенды в XIX в. является цикл — связанный,

несобранный, полижанровый. Обычно легенда становится в творчестве писателя не единичным экспериментом, а альтернативным способом представления действительности, противоположным новеллистическому или романному. Спектр жанровых вариаций литературной легенды свидетельствует о том, что этот жанр относится к свободным жанровым формам, а не к строгим жанровым и композиционным формам³.

Что касается перспектив дальнейшего исследования указанной проблематики, то оно предполагает прежде всего уточнение результатов на других примерах, а также с привлечением текстов других литератур. Необходимо проследить, какие факторы в различных культурах влияли на развитие жанра. Кроме того, следует определить корпус текстов, не названных легендами авторами, но принадлежащих к жанру.

Продуктивным представляется применение разработанного алгоритма анализа к другим жанрам, например, к жанру предания и сказания в русской литературе. Наконец, за рамками диссертации оказался целый пласт текстов: драматические и поэтические легенды. Вероятно, кроме того, что развитие жанра повлияло на сборники стилизованных легенд, которые активно публиковались во второй половине XIX в.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. Тулякова Н.А. Жанры проповеди и гимна и «Легенда об Уленшпигеле» Шарля Де Костера / Н.А. Тулякова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2006. — № 1(18). — С. 91–94. (0,5 п.л.)

2. Тулякова Н.А. Жанр легенды в литературе США XIX века: особенности развития / Н.А. Тулякова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2010. — № 134. — С. 79–87. (0,6 п.л.)

---

³ Бройтман С.Н. Теория литературы: Учеб. пособие. Т. 2: Историческая поэтика. М.: Академия, 2004. С. 193.

3. Тулякова Н.А. Жанровые формы вставных рассказов в «Альгамбре» В. Ирвинга / Н.А. Тулякова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. — 2012. — Т. 1. — № 3. — С. 74–81. (0,5 п.л.)
4. Тулякова Н.А. «Перламутровый ларец» А. Франса: жанр и композиция / Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2014. — № 1(27). — С. 123–134. (0,4 п.л. / 0,8 п.л.)
5. Тулякова Н.А. Литературная легенда: жанровые идентификаторы и формообразующие признаки / Н.А. Тулякова // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2015. — № 2. — С. 33–44. (0,7 п.л.)
6. Тулякова Н.А. Легенда и история в творчестве Джорджа Липпарда / Н.А. Тулякова // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 191–202. (0,6 п.л.)
7. Тулякова Н.А. Литературная легенда: когнитивная модель жанра / Н.А. Тулякова // Современные исследования социальных проблем. — 2017. — Т. 9. № 3–1. — С. 114–125. (0,6 п.л.)
8. Тулякова Н.А. Авторская интерпретация известных сюжетов в «Легендах о Христе» С. Лагерлёф / Н.А. Тулякова, Н.А. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10–1 (76). — С. 57–62. (0,35 п.л. / 0,7 п.л.)
9. Тулякова Н.А. От романтического к смешному: изменение претекста в повести Уильяма Теккерея «Рейнская легенда» / Н.А. Тулякова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2017. — № 1. — С. 40–48. (0,6 п.л.)
10. Тулякова Н.А. Слово «легенда» в речевом употреблении и в словарном отражении: заимствование, функционирование, идеология / И.А. Крылова, Н.А. Тулякова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 45. — С. 100–115. (0,45 п.л. / 0,9 п.л.)
11. Тулякова Н.А. Locus iste locum: облики сада в «Перламутровом ларце» А. Франса / Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 424. — С. 35–43. (0,5 п.л. / 1 п.л.)

12. Тулякова Н.А. Святочный рассказ и легенда в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка: сопоставительный анализ жанров / Н.А. Тулякова // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 432. — С. 24–31. (0,85 п.л.)

13. Тулякова Н.А. Легенда и предание в русской литературе первой половины XIX века: жанровые рефлексивы и жанровые стратегии / Н.А. Тулякова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. — 2019. — № 58. — С. 24–42. (1,05 п.л.)

14. Тулякова Н.А. «Любовь сильнее смерти»: о восприятии «Клары Милич» Тургенева Франсом / И.А. Крылова, Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова // Новый филологический вестник. — 2019. — № 50. — С. 236–248. (0,3 п.л. / 0,9 п.л.)

15. Tuliakova N.A. Legend Collections in European Literature of the Mid 19th Century / N.A. Tuliakova // Журнал Сибирского Федерального университета. Серия Гуманитарные науки. Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities & Social Sciences. — 2022. — № 15(4). — С. 504–514. (1 п.л.)

16. Тулякова Н.А. «Сложный клубок причин и следствий»: позитивизм и иррационализм в двух рассказах Анатоля Франса / Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова // Studia Litterarum. — 2023. — Т. 8. — № 4. — С. 108–127. (0,6 п.л. / 1,1 п.л.)

Статьи в зарубежных изданиях, входящих в международные базы данных:

17. Tuliakova N. Eastern Tales for Western Readers: A Combination of Traditions within D. Mamin-Sibiryak's Legends / N.A. Tuliakova, E. Kuznetsova // Anafora (Croatia). — 2016. — Vol. 3. — No 1. — P. 61–74. (0,45 п.л. / 0,9 п.л.)

18. Tuliakova N.A. Translation of Anatole France's 'L'Étui de nacre' in Russia: Reception and Perception / N.A. Nikitina, N.A. Tuliakova // Interlitteraria (Estonia). — 2016. — No 21/1. — P. 79–94. (0,45 п.л. / 0,9 п.л.)

19. Tuliakova N.A. 13th Conference of the Estonian Association of Comparative Literature (EACL), 2019 / V.V. Meniailo, N.A. Tuliakova // Studia Rossica Posnaniensia (Poland). — 2020. — Vol. 45. — No 1. — P. 215–223. (0,3 п.л. / 0,6 п.л.)

20. Tuliakova N.A. Literary Legend in the Early 19th Century Russian Literature: Genre Labeling and Genre Formation / N.A. Tuliakova // Russian Literature (Netherlands). — 2020. — Vol. 111–112. — P. 35–59. (1,5 п.л.)

21. Tuliakova N.A. Genre Studies in Russian Literary Research: Achievements and Challenges / N.A. Tuliakova, N.A. Nikitina // Interlitteraria (Estonia). — 2020. — Vol. 26. — No 2. — P. 319–331. (0,4 п.л. / 0,8 п.л.)

Статьи в других изданиях:

22. Тулякова Н.А. Особенности хронотопа «Легенды об Уленшпигеле» Шарля Де Костера / Н.А. Тулякова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: Материалы конф. — Тольятти: ТГУ, 2005. — С. 153–157. (0,3 п.л.)

23. Тулякова Н.А. «Легенда об Уленшпигеле» Шарля Де Костера и традиция жанра видения / Н.А. Тулякова // Филологические записки: — Сб. статей. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. — С. 63–68. (0,3 п.л.)

24. Тулякова Н.А. «Легенда об Уленшпигеле» Ш. Де Костера и традиции испанской литературы / Н.А. Тулякова // Вопросы германской и романской филологии. Вып. 3. Том XIV: Сб. ст. — СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2005. — С. 153–159. (0,4 п.л.)

25. Тулякова Н.А. «Генрих фон Офтердинген» Новалиса и «Легенда об Уленшпигеле» Шарля Де Костера / Н.А. Тулякова // Литературные связи и литературный процесс (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 9): Материалы конф. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. — С. 50–51. (0,06 п.л.)

26. Тулякова Н.А. Особенности жанра литературной легенды в XIX–XX вв. / Н.А. Тулякова // Филологические записки: Сб. статей. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. — С. 86–92. (0,4 п.л.)

27. Тулякова Н.А. Романтический хронотоп в «Легенде об Уленшпигеле» Шарля де Костера / Н.А. Тулякова // XI Пушкинские чтения: Материалы конф. — СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2006. — С. 255–259. (0,3 п.л.)

28. Тулякова Н.А. Особенности литературной легенды в XIX–XX вв. / Н.А. Тулякова // Литература как развивающаяся система (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 10): Материалы конф. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. — С. 50–51. (0,06 п.л.)

29. Тулякова Н.А. Исторические и библейские источники образов в балладе «Сир Галевин» Шарля Де Костера / Н.А. Тулякова // Поэт и Библия: Материалы конф. — СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. — С. 175–180. (0,4 п.л.)

30. Тулякова Н.А. «Пешком по Европе» М. Твена и жанр легенды / Н.А. Тулякова // Жанр и литературное направление (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 11): Материалы конф. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. — С. 24–25. (0,06 п.л.)

31. Тулякова Н.А. Вариации жанра авторской легенды в русской литературе / Н.А. Тулякова // От текста к контексту: сб. науч. работ. Вып. 9. — Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. — С. 29–32. (0,4 п.л.)

32. Тулякова Н.А. Текст литературной легенды в XIX веке: от стилизации к пародии / Н.А. Тулякова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Материалы конф.: В 2 ч. Ч. 1. — Минск: МГЛУ, 2010. — С. 170–173. (0,3 п.л.)

33. Тулякова Н.А. Особенности жанра легенды в творчестве Ф. Брет Гарта / Н.А. Тулякова // Англистика XXI века: Материалы V всерос. науч. конф. — СПб.: Университетский образовательный округ СПб. и ЛО, 2010. — С. 85–87. (0,2 п.л.)

34. Тулякова Н.А. Лингвостилистические трансформации при пародийном осмыслении жанра («Отон-лучник» А. Дюма и «Рейнская легенда» У. Теккерея) / Н.А. Тулякова // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы конф. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. — С. 70–72. (0,1 п.л.)

35. Тулякова Н.А. Традиция исторического и авантюрного романа в «Рейнской легенде» У. Теккерея (к проблеме жанра) / Н.А. Тулякова // Литературные взаимодействия и типологические схождения. История и современность (Единство и национальное

своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 14): Материалы конф. — СПб.: Лема, 2010. — С. 58–59. (0,1 п.л.)

36. Тулякова Н.А. Легенда как форма исторического повествования в творчестве Дж. Липпарда и Де Костера / Н.А. Тулякова // Межлитературные связи: общее и особенное (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 15): Материалы конф. — СПб.: Лема, 2011. — С. 29–32. (0,15 п.л.)

37. Тулякова Н.А. Способы создания комического эффекта в авторской англоязычной легенде XIX века / Н.А. Тулякова // Ното Лоуэнс: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 3. — СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2011. — С. 108–115. (0,5 п.л.)

38. Тулякова Н.А. Вставные рассказы в «Альгамбре» В. Ирвинга: история, анекдот, легенда / Н.А. Тулякова // Англистика XXI века: Материалы конф. — СПб.: Университетские образовательные округа, 2012. — С. 27–28. (0,08 п.л.)

39. Тулякова Н.А. Жанр легенды в творчестве Натаниэля Готорна / Н.А. Тулякова // Вопросы филологии и журналистики: Сб. ст. Вып. 6. — Омск: НОУ ВПО ОмГА, 2010. — С. 40–51. (0,65 п.л.)

40. Тулякова Н.А. Легенда в творчестве Виктора Гюго / Н.А. Тулякова // Французские чтения: Материалы конф. — СПб.: Лема, 2012. — С. 36–39. (0,2 п.л.)

41. Тулякова Н.А. Лексические идентификаторы жанра в сборниках рассказов Н. Готорна / Н.А. Тулякова // Ното Лоуэнс: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 4. — СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2012. — С. 197–207. (0,58 п.л.)

42. Тулякова Н.А. Три варианта легенды о женщине-иноке (А.И. Герцен, Г. Келлер, А. Франс) / Н.А. Тулякова // Зарубежная литература в университетском образовании (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 16): Материалы конф. — СПб.: Лема, 2012. — С. 121–122. (0,05 п.л.)

43. Тулякова Н.А. Жанровые рефлексивы в малой прозе Н. Готорна / Н.А. Тулякова // Иностранные языки. Герценовские чтения: Материалы конф. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. — С. 54–55. (0,06 п.л.)

44. Tuliakova N. What do Legends Really Mean to Say: Cognitive Aspects of the Genre / N.A. Tuliakova // The Fourth Conference of the Scandinavian Association for Language and Cognition. Abstracts. — 2013. — P. 72–73. (0,03 п.л.)

45. Тулякова Н.А. Мотив женско-мужской травести в литературной легенде XIX века / Н.А. Тулякова // Вестник Нижневарттовского государственного гуманитарного университета. 2013. — № 2. — С. 71–77. (0,6 п.л.)

46. Тулякова Н.А. Жанровая специфика «Легенд» Д.Н. Мамина-Сибиряка / Н.А. Тулякова // Вестник Ишимского государственного педагогического университета им. П.П.Ершова. — 2013. — № 1(7). — С. 29–35. (0,52 п.л.)

47. Тулякова Н.А. Легенда в литературе США (1820—1880): становление жанра / Н.А. Тулякова // Литературная мода и литературные модели в западноевропейской и американских литературах: Материалы конф. Электронное издание. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. URL: <http://phil.spbu.ru/rabochaya/konferenciya-2013-tezisy/12..docx/view>. (0,1 п.л.)

48. Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель / Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 5. — СПб.: Астерион, 2013. — С. 132–138. (0,28 п.л. / 0,56 п.л.)

49. Тулякова Н.А. «Перламутровый ларец» Анатоля Франса: Жанровый аспект / Н.А. Тулякова // Национальное и интернациональное в литературе и искусстве (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 17): Материалы конф. — СПб.: Лема, 2013. — С. 49–51. (0,1 п.л.)

50. Тулякова Н.А. *A Peep at the Pixies* А.Э. Брэй: легенды для детей в английском романтизме / Н.А. Тулякова // Педагогический дискурс в литературе: Материалы конф. — СПб.: Лема, 2013. — С. 25–27. (0,1 п.л.)

51. Тулякова Н.А. Функции повествовательной рамы в цикле *Legends of the Province House* Натаниэля Готорна / В.В. Меняйло, Н.А. Тулякова // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 6.

— СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – СПб., 2014. — С. 165–176. (0,3 п.л. / 0,6 п.л.)

52. Тулякова Н.А. Рейнские легенды в британской и американской литературе / Н.А. Тулякова // Англистика XXI века: Материалы конф. — СПб.: Университетские образовательные округа, 2014. — С. 60–61. (0,05 п.л.)

53. Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель / Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Материалы конф. Вып. 6. — Калининград: [б.и.], 2014. — С. 449–450. (0,05 п.л. / 0,1 п.л.)

54. Тулякова Н.А. Жанровые идентификаторы в заголовочном комплексе: теоретические аспекты / Н.А. Тулякова // Литературные жанры: типология, контактные связи (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 18): Материалы конф. — СПб.: Лема, 2014. — С. 43–45. (0,05 п.л.)

55. Тулякова Н.А. Ничто не ново под солнцем: «Отон-лучник» А. Дюма и «Рейнская легенда» У. Теккерея / Н.А. Тулякова // XLIV Международная филологическая конференция: Материалы конф. — СПб.: Издательство филологического факультета СПбГУ, 2015. — С. 82–83. (0,05 п.л.)

56. Тулякова Н.А. «Это такая же правда, как то, что мы видим друг друга»: библейские легенды Сельмы Лагерлёф / Н.А. Тулякова // Педагогический дискурс в литературе: Материалы конф. — СПб.: Лема, 2015. — С. 24–26. (0,1 п.л.)

57. Тулякова Н.А. Легенды Стефана Цвейга: новый этап в развитии европейской легенды / Н.А. Тулякова, Н.А. Никитина // *Studia Humanitatis*. — 2015. — № 3. (0,375 / 0,75 п.л.)

58. Тулякова Н.А. Ирония перевода: “Le Procureur de Judée” Анатоля Франса в русских изданиях / Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова // Диалог и взаимовлияние в межлитературном процессе (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 19): Материалы конф. — СПб.: Лема, 2015. — С. 92–95. (0,025 п.л. / 0,05 п.л.)

59. Тулякова Н.А. Новый Эмиль: Педагогический дискурс Руссо в интерпретации Анатоля Франса / Н.А. Тулякова // Педагогический дискурс в литературе: Материалы конф. Вып. 10. — СПб.: Лема, 2016. — С. 64–65. (0,05 п.л.)

60. Tuliakova N. Literary Translation and Generic Shifts: Irving's Legends in the Russian Language / N.A. Tuliakova // The Proceedings of the Sixth Conference of the Scandinavian Association for Language and Cognition. Book of Abstracts. — 2017. — P. 80–81. (0,05 п.л.)

61. Тулякова Н.А. Представление о жанре легенды у западноевропейских и русских романтиков / Н.А. Тулякова // Традиции и новаторство в литературе и искусстве (Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Вып. 21): Материалы конф. — СПб.: Лема, 2017. — С. 118–119. (0,05 п.л.)

62. Тулякова Н.А. «Любовь сильнее смерти»: о рецепции «Клары Милич» Анатолем Франсом / Н.А. Тулякова, И.А. Крылова // И.С. Тургенев и мировая литература. Материалы конф. — М.: У Никитских ворот, 2018. — С. 52–53. (0,025 п.л. / 0,05 п.л.)

63. Тулякова Н.А. Тургеневский текст в «Перламутровом ларце» А. Франса / И.А. Крылова, Н.А. Тулякова // Его Величество Язык Ее Величества России. Сборник трудов международной научной конференции к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева (1818–1883). — Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2018. — С. 87–89. (0,15 / 0,3 п.л.)

64. Тулякова Н.А. Поэтика легенды в русском символизме / Н.А. Тулякова, И.А. Крылова // Русский логос–2: Модерн — границы контроля: Материалы конф. — РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. — С. 447–449. (0,05 п.л. / 0,1 п.л.)

65. Тулякова Н.А. От предания к легенде: к вопросу о «псевдофольклорных» жанровых обозначениях в прозе В.Ф. Одоевского / Н.А. Тулякова // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского. Вып. 3. — М.: Водолей, 2019. — С. 161–170. (0,5 п.л.)

66. Тулякова Н.А. Скульптурный код в «Семи легендах» Готфрида Келлера / Н.А. Тулякова, Э.Б. Гаркун // Вестник Санкт-Петербургского государственного

университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. — 2021. — № 3. — С. 115–123. (0,8 п.л. / 1,12 п.л.)

67. Тулякова Н.А. Ожившая Мадонна в европейской литературной легенде второй половины XIX века / Н.А. Никитина, Н.А. Тулякова // М.В. Разумовская: in memoriam. *Comparativistica Petropolitana*: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 5. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. — С. 125–141. (0,5 п.л. / 1 п.л.)

68. Тулякова Н.А. Цикл «Святочные рассказы»: переосмысление жанра / Н.А. Тулякова // Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка и современный мир» / редкол. О.В. Зырянов, Е.К. Созина. — М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2024. — С. 180–196. (1 п.л.)